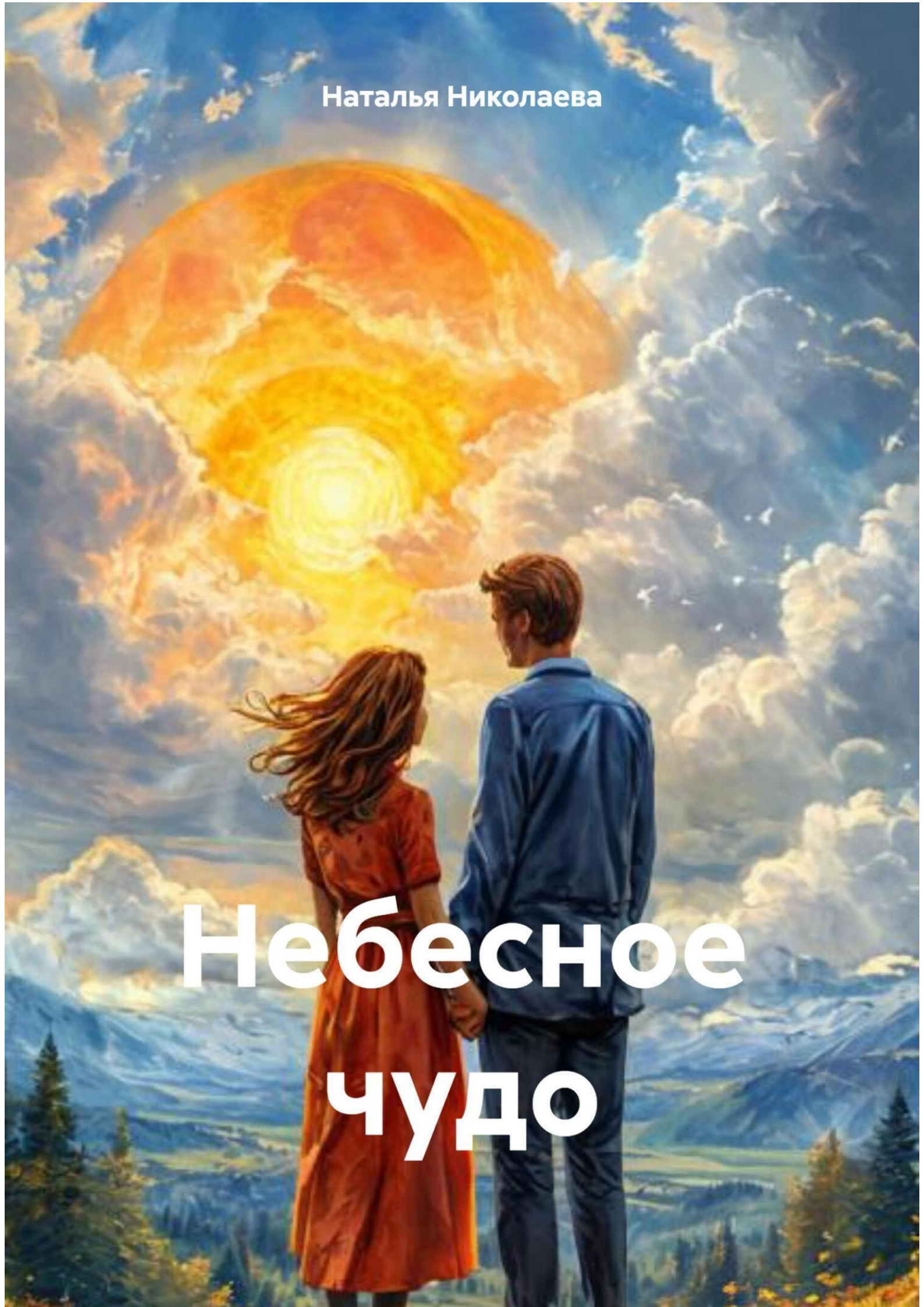

Наталья Николаева

A romantic couple stands on a mountain peak, looking at a massive, glowing sun in a dramatic, cloudy sky. The woman is wearing a red dress and the man is wearing a blue suit. The sun is a large, bright yellow and orange orb with a halo of light, surrounded by swirling clouds. The background shows a vast mountain range with green valleys and blue peaks under a blue sky with white clouds.

Небесное чудо

Наталья Николаева

Небесное чудо

«Автор»

2025

Николаева Н.

Небесное чудо / Н. Николаева — «Автор», 2025

Новелла «НЕБЕСНОЕ ЧУДО» повествует о человеческих переживаниях, любви и духовной трансформации на фоне борьбы с внутренними слабостями и моральным выбором. Главные герои, такие как Александр и Ниночка, проходят сложный путь личностного и духовного роста, сталкиваясь с непростыми ситуациями, семейными конфликтами и искушениями. Сквозь повествование раскрываются важные темы: сила прощения, значение веры и искренности, а также влияние любви на очищение человеческой души. Яркими образами выделяются дядя Володя, символизирующий мудрость и поддержку, и Машенька, несущая в себе милосердие и принятие. Эти персонажи играют ключевую роль в формировании внутреннего мира других героев. Сюжет наполнен драматическими моментами, символизмом и аллюзиями на библейские мотивы, что подчеркивает духовную глубину текста. Новелла призывает задуматься о любви, искуплении и судьбе каждого человека, открывая читателям путь к размышлениям о высших ценностях.

© Николаева Н., 2025

© Автор, 2025

Наталья Николаева

Небесное чудо

Он родился в первый месяц лета июнь, на юге и был пронизан светом времени и места своего рождения. Это радостное событие его прихода в мир произошло в Советском Союзе за три года до начала второй мировой войны. Его матушка любила своего мужа Александра. Он был эмигрантом из Киева, из дворян, которых революционная разруха, угроза полного разорения и голода гнала с насиженных мест искать спасения кого куда. Его, как, впрочем, и многих в те времена, нужда привела в Баку – город хлебный. В Баку осели беженцы из России, Украины, Молдавии... Азербайджанцы принимали в те времена всех. Была жизненная необходимость в тепле, в солнце, когда ослабленным душой и телом людям не хватало сил сопротивляться российским стужам, голоду и новому бесовскому режиму. Миграция шла на юг. Благословенный, тёплый, солнечный юг, где казалось очень просто можно выжить, если только добраться. Бог вёл людей к теплу. Матушка младенца Александра происходила тоже из семьи беженцев. Её родители были выходцами с орловщины. Им и фамилия досталась коренная – Орловы. Она была второй женой своего мужа.

Бывший дворянин Александр Никонов первым браком был женат на женщине своего возраста и круга, с которой обвенчался в молодые годы своей родине – Украине, где у его отца близ Киева было большое имение. Звали жену Мария. Она была тихая, нежная, будто пронизанная светом веры и любви к Богу. Родители её были русскими. Говорила она тихо, немножко распевно, богатым русским языком, иногда вплетая в свою речь украинские слова, наверное, из любви к народу среди которого родилась, выросла и вышла замуж. Мария тоже была из дворян, глубоко интеллигентная, образованная она к моменту революции училась в институте, но который по этой причине закончить не смогла. Зато за год до неё успела выйти замуж за молодого соседа Александра Никонова, породнившись таким образом с одним из древнейших дворянских родов, в последнем поколении осевшим в Малороссии.

Молодой муж её был хорошо образован. Образование он получил в Петербурге. Его страстная и жадная до знаний натура ни в чём не привыкла себя сдерживать. Страстный, жадный до всего нового он ни в чём не привык себя сдерживать. Красавец, и при этом самодур по натуре, единственный дворянский сынок, быстро победил сердце нежной и мечтательной Машеньки Евграфовой.

Воспитанная на классиках русской литературы, глубоко верующая православная христианка горячо и преданно любящая Бога, Мария всем своим юным сердцем жаждала настоящей любви, любви до самозабвения, и ещё, чтобы вместе с мужем послужить России. Живя в Малороссии, она русская душой ощущала себя дочерью всей необъятной России и молилась за бедный, многострадальный народ её. Тяжкая доля народа, везде, в каком бы уголке земли это не происходило, трогала Машеньку до слёз. Она жалела людей всегда, молилась о бедных, сиротах, бездомных, болящих и страждущих. Сначала потому, что так учила церковь, а потом, когда сама стала читать и потихоньку постигать Евангельскую истину, молитва эта вросла в её душу и иной молитвы она уже себе не представляла. Сердце её открылось по милости Христа-Спасителя, и юная молитвенница за народ была отмечена Божьей благодатью.

Полюбить ей Бог дал соседского сына Александра Никонова хотя и не глубоко верующего, но посещавшего церковь и чтущего по традиции своего рода все большие православные

праздники. А вот любил Александр охоту, всем сердцем, до самозабвения, и своих лошадок, может потому и стал лучшим во всем округе, самым лихим наездником. Выпить и посудачить он был тоже не дурак... Его вообще тянуло к жизни бурной, кипящей, яркой. А скачки – это была его страсть. На конном заводе Никоновых выращивали первосортных скакунов (рысаков) и сын с отроческих лет пропадал на конюшнях, живой, искренней любовью полюбив природу, всю живность земную и больше всего своих ненаглядных лошадок.

Конюшни на содержались в образцовом порядке. Для разведения покупались лучшие породы скакунов мирового класса. Красавцы-жеребцы и кобылки Никоновского завода славились во всей Малороссии и в России. Дед и отец любили и умели обращаться с животными, и владели многими тонкостями и тайнами своего дела. Живое сердце молодого барина кипело той любовью к семейному делу. Уменье разбираться в лошадях было у него в крови. С одного взгляда он мог определить характер лошади, понять, что от неё ждать, на что она способна, во что она обойдётся и что с неё можно получить. Все затраты должны оборачиваться прибылью. И если этого нет, то к чему вкладываться?

Во всём его существе при великой, искренней любви ко всему живому постоянно и независимо ни от чего происходила оценка окружающего мира. Вопросы «а во сколько это обойдется, если купить оптом по такой-то цене, а потом каков будет навар, если пустить по такой, а если повезёт, поднять выше?» непрестанно крутились в его голове. Купеческая оценка вещей и страстное желание извлекать из всего выгоду были сущностью его натуры даже при том прекрасном историко-филологическом образовании, которое он получил в Петербурге.

И ещё две родовые страсти мучили и даже терзали душу Александра – страсть к картам и к женщинам. Эти душевные болезни из глубины веков передавались в роду по наследству, и каждый раз мальчики по достижении половой зрелости, а то и раньше были одержимы и мучимы сначала нечистыми, а потом и развратными помыслами и желаниями, так что из поколения в поколение осуществлялась Евангельская истина о грехопадении: «... Кто согрешил он или родители его?» А достигнув зрелости, мужчины этого рода, уже по уши погрязнув в грехе мысленного, а потом и физического блуда, женились, как правило, по расчету, чтобы умножить родовое состояние, а о любви в том истинном высоком понимании никто из них и не думал. Да это просто и не входило в планы.

Брак тоже должен был материально укрепить состояние семьи, поспособствовать умножению семейного бизнеса. Кстати, мальчиков в роду Никоновых из поколения в поколение называли Александрями, что в переводе с греческого значит «защитник людей». Предки верили, что род и продолжается, и укрепляется благодаря такому мощному именованному покрову своих мужчин. А любовь? Да что любовь? О ней о любви и думали-то здесь исключительно в сфере выгоды приданого, как, например, о картине – талантлива или нет, чего стоит и сколько может стоить, если, вложившись в нее, придержать, а потом и выставить на торги. Ведь, если это талант, то с возрастом дорожает. Хотя и благодати Божией наверняка тоже не были лишены сердца Никоновских юношей, особенно когда любимая природа, живое горячее дыхание её было совсем рядом: они искренне и щедро заботились о младших братьях наших, лошадах и собачках, которых в имении жило без числа.

И вдруг жестоким диссонансом в эту благодать любви врывается охота... убийство. Никоновы всегда слыли заядлыми охотниками. Могли без промаху убить зверя или птицу. Только вот смерть жертвы не сжимала сердце от боли, а был – восторг победы.

Почему? Почему так? Ведь вот птичка Божия только что порхала, щебетала, радовалась жизни. Выстрел! Твой, твой выстрел, охотник, и – конец! Конец жизни! Вдумайся! Замри! Оглянись! Что произошло с душой твоей, с сердцем твоим? Оно замерло, почти до боли сжалось и кто, кто этому виною? Ты сам. Ты разрушил мир сердца своего, мир души своей. Восстань в покаянии. Молитва – залог и путь к исцелению духовному и физическому твоему и детей твоих, залог спасения, а значит продолжения рода твоего, наладит связь с Богом – Отцом души твоей. Ей, душе, теперь необходимо прощение Его, милость и любовь Его, чтобы любить и миловать самому, знать, что это такое, научиться и принять в себя премудрость Духа, без которой мужчине невозможно построить дом свой в истине, и всякое строение его жизни окажется возведенным на песке.

– Премудрость, прости, – поётся в православной литургии. Если бы понимать, что это за молитва, повторяемая изо дня в день и вот уже множество лет в православном храме, о чем взывает? Если бы знать! Им, этим охотникам, так хладнокровно убивающим Божье создание ради забавы. Если бы им знать, что происходит в незримой реальности в момент убийства, в момент излияния крови и остановки сердца через насильственную смерть! Пусть, пусть это откроется им по молитвам любящих Христа-Спасителя, добровольно пролившего кровь свою во спасение человечества.

Пусть, пусть по-детски обратившись к Отцу Небесному во имя Искупителя Сына они, постигнув истину жизни, покаются в жестокости своей и живым семенем посеется и прорастет в ожесточенных сердцах их заповедь Божия «не убий»! А пока ради забавы травили и убивали предки меньших братьев наших – потомкам нести грех из. Он перекладывается на плечи мальчиков рода и те болеют душой и телом даже не представляя, как светло могла бы сложиться их жизнь не угнетай их тяжкая ноша греха предков-убийц.

И молодой Александр страстно любил «настоящую охоту», ту самую, которую специалисты называли царской – там было всё: и гончие, и стрельба, и соколы, а главное, дикий азарт.

Азарт, который только и может хотя бы на время отвлечь от того, из-за чего давно блеет, томится и съживается душа. И чем дальше, тем всё больше и острее.

Как-то молодой барин объезжал белую кобылу по кличке Соня. Он любил давать лошадям человеческие имена, да и общался с ними, как с людьми. Разговаривал, советовался, а может даже и любил больше. Так уж сложилось, передалось по наследству. Вблизи сильных, здоровых, ухоженных, породистых лошадок, которых он обожал и не жалел на них средств и сил души, он чувствовал себя лучше, чем среди людей, где тёмные качества его души быстро вылезали наружу. Соня смирилась не сразу, несколько раз выбросив Александра из седла. Но он был доволен. Укрощение, достигаемое с трудом, оживляло его. Радость победы приходила после трудного, упорного дела, которое помогало держать себя в форме, а, главное, не поддаваться лени.

Человек-убийца, чью бы кровь он не пролил, и потомок убийцы бывает наказан ленью, хотя и сознанием того, что от лени можно погибнуть. Поэтому сознание необходимости труда, чтобы жить достойно, особенно если есть состояние, бесконечная тренировка воли – не отстать, не упустить, не нарушить форму, так называемая вечная гонка, становится укладом и смыслом жизни. Понаблюдайте за таким трудолюбом. А потом выясните его родословную. Сразу да наверняка не захочет уделить вам время, скажет, что он ничего не знает. Но вы, услышав такой ответ, скажите просто от души:

– Ну, это всегда так кажется сначала, а подумаешь, помолишься, чтобы открылось и начнёт открываться и выстраиваться, что рассказать. – Так и будет, а потом он или она даже с охотой тебе всё поведают о своих предках, потому что на то будет воля Божия.

Александр дружелюбно похлопал Сою по шее и сказал:

– Ну, ну не надо больше упрячиться, давай лучше дружить. И тебе будет хорошо, и мне.

Он нежно гладил и гладил белую шею лошади, пока она не перестала вздрагивать, фырчать, тянуть поводья в сторону, пытаясь высвободиться из крепкой, властной руки хозяина, брызгать слюной... и, наконец, мало-помалу не успокоилась.

– Ну вот, вот и умница, – твёрдо сказал Александр.

Он и был хозяином, потому что чувствовал себя им. Дух в нём царил властный, твёрдый, уверенный в себе, никогда не сомневающийся в своей правоте, не умеющий просить прощения, а тем более каяться – дух великой гордыни, около которого слабому не светило сострадание, а тем более помощь. Здесь слабому был один удел – подчинение и рабство. Хотя Спаситель заповедал любить ближнего своего, как самого себя, назвав ближним всякого нуждающегося в помощи слабого, больного, искалеченного, даже совсем чужого, брошенного свирепыми разбойниками у дороги.

И лошадь смирилась. Но ведь она же была лошадь, животное, которой хозяин, господин необходим. Не то человек. Власть хозяина над ним должна быть мудрой, чтобы не убить, не растоптать души Божьей. Вот ведь и народ, о котором говорят, что он невежественный, грязный, пьяный, он что? Таков сам по себе или непосильная ноша труда сделала его таким. Почему Иисус, обратясь именно к обремененным трудами, сказал:

– Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим.

Находящимся под тяжким бременем трудов бывает очень трудно обрести этот самый заветный покой души. Труд сверх сил угнетает человека и лишь кротость и смирение, дарованные милостью и любовью Христа, дают возможность человеку подойти к золотой мере труда по силам, а может статься и своего – в меру дарованных талантов труда, радостного, назначенного свыше, в лоне которого и обретается покой души, в котором только и может поселиться, и жить Бог в душе человека. Но к этому надо идти долго путем духовного восхождения.

Лежащая на шее лошади рука была спокойна и тверда. Глаза Александра блестящие, светло-коричневого цвета смотрели остро и победоносно. Но взгляд его бегал и никогда не был спокоен и открыто обращен на собеседника. Он всех всегда судил в сердце своем. А понимания знания того, что это грех, не угодное Богу внутреннее состояние, не было. Знать то он знал, что «не судите да не судимы будете» да вот только не прижилась в нем, не вошла пока в плоть и кровь эта евангельская истина. От того и греха этого в себе не видел.

– Будь здоров, Александр Александрович. Ишь, погода какая ясная, воздух чистый, прозрачный. Радость и бодрость в каждой клеточке играет. И вальдшнепы да утки-кряквы сами в

суп просятся. Не сообразить ли поохотиться? – пожимая руку Александру, говорил сосед его по имению и всегдашний партнер по охоте Кузьменко Иван Прохорович.

– Будь здоров, Иван Прохорович, – отвечал молодой хозяин тоже молодому своему соседу. На лице Александра расцвела дружелюбная улыбка, рука ответила на рукопожатие соседа, словом, внешне всё выглядело как нельзя лучше. Но мысли, эти скрытые ото всех делатели и истинные устроители нашей жизни, заметались и во мгновение осудили приветливого Ивана Прохоровича. Так или примерно так выстраивалось внутреннее осуждение Александра: – Фу ты, вот ведь расшаркиватель нарисовался, поэтишка недоделанный, слова в простоте не молвит. Красивости да любезности, а в кармане шаром покати. Фу-ты, чтоб тебе ... – продолжал он мысленно подбрасывать соседу подобную гнусность, а языком вел любезнейший диалог на вид полный искренности и радушия. – Да, надо бы собраться, осень добрая стоит. Поохотиться не грех. Правда сейчас дела..., дела...

– Ишь ты, Александр Александрович, да ведь дела всю жизнь и на охоту времечко дается. Только почувствовать его надо. Вот оно и сложится, как душе угодно. Не так ли?

Заядлый охотник Александр быстро согласился с соседом, а в мыслях понеслось:

– Опять не охота будет, а сентиментальщина у ночного костра. Стихи, разглагольствования о науке, о народе. Тьфу-ты! – он не любил это, хотя разговор и даже жаркие споры поддерживал, чтобы не прослыть простаком, недоучкой и непатриотом. На самом же деле, о чём бы он с радостью говорил – это о бабах, о своих мужских победах, о грязных, пошлых делишках в этой области, где он преуспел, был мастак и любил всё это до страсти. С давних-прадавних времён по роду передаваемый это и был его собственный «сок», в котором он «варился».

Тяжелое и неосознаваемое внутреннее греховное состояние молодого человека грозило стать его сутью и, к сожалению, смыслом будущей жизни. Существование и исполнение воли Божьей, такой очевидной и понимаемой, если душа очищена и открыта Богу, если она молится и стремится быть ближе к своему Создателю, для Александра были скрыты. По молодости лет, трудолюбию, умению терпеть, да и благодаря отцовскому наследству у него в жизни что-то получалось..., пока получалось. Как, впрочем, и у многих потомков богатых и не очень, но самоуверенных благодаря родовой знатности дворян, купцов, новых промышленников и деловых людей, входящих или вошедших в силу.

Сила от богатства и сила от Бога – разная сила. Сила от богатства изматывает дух, а сила от Бога умножает и укрепляет его, если знать, как стоять перед лицом Его в духе. Богатым, но не прозревшим духовно, не родившимся вторым, духовным рождением это вместить невозможно. Дух дышит, где хочет, и не знаешь, откуда приходит и куда уходит, и какая от Него бывает в человеке сила по воле Творца.

Сила огненная исходит из разгоревшейся груди. Грудь горячая, в которой выросшая душа рвётся действовать, это – сила героя, водителя народа здесь на Земле. Истинная божественная сила никогда не гордится и не делает ничего для себя, но только для славы Божьей, который полностью ей доверяет. Эта сила скромна, хотя внешне может быть и прекрасной, и великой, ибо божественное и должно быть прекрасным, но лучится она не энергией, а энергией любви и вечного движения вперёд во славу Творца.

Молодой Александр не знал этого, не знал он и об истинном героизме, до неприличия любя быть всегда и во всём первым. Даже в невинном диалоге его несло и тешило поставить точку последним, да еще как-нибудь так повычурнее, чтобы «утереть нос противнику». Он слыл остряком и изо всех сил поддерживал свою репутацию.

Он трижды хлопнул в ладоши, да так громко и неожиданно, что сосед слегка повел плечами, и на лице его выразилось напряжение.

– А ведь и вправду охота пуше неволи, особенно, если эта охота к охоте.

Иван Прохорович перевёл дыхание и улыбнулся.

Александр явно соглашался, только, как всегда, в простоте слова молвить не хотел.

– Ну, вот и ладно, Александр Александрович. А Вы как всегда верны себе. Слово прямо играет в устах Ваших. Некуда деваться!

Чистосердечный сосед и не подозревал какую медвежью услугу оказывал, как ему думалось, заслуженной похвалой и без того погрязшему в гордыне внутреннему человеку Александра. Только Бог – сердцеведец знал. Знал и печалился, потому что это сердце было закрыто от Него. Даже те редкие молитвы, которые молодой человек повторял вместе со всеми на праздниках Пасхи и Рождества в храме, были так далеки от его сердца, что во истину здесь было то, о чем сказано: «... чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня».

Охотились соседи по всем правилам старинной охоты. Утки, селезни, вальдшнепы, дикие гуси были предметами их охотничьей страсти. На зверя они не ходили. Александр начал чувствовать тяжесть в груди всякий раз после «царской» охоты на лося. В последний раз после убийства зверя и триумфального шествия всей честной компании к дому, он вдруг испугался, что не хочет ничего, внутри была такая пустота, какой он отродясь не испытывал, и чтобы не взвыть и не озвереть самому, он, как и все бывшие тогда с ним, напился до полного зачумления в мозгах. Но душе не стало легче. Всю ночь он стонал, а утром решил раз и навсегда не «ходить» на зверя.

– Никогда и баста, – рубанул он, как отрезал, и держал слово крепко.

Стрелять дичь было тоже не легко, хотя пустота и тяжесть, которую он испытал, не наваливалась. Но и потребность в разрядке постоянного томления и зажатости в груди через алкоголь, волевые и физические усилия ил сквернословие самого низменного унтер-офицерского и даже солдатского пошиба была ему, как воздух необходима. Ибо это уже было его духовное наследство! Вопросов: «Кто я? Зачем пришел в этот мир? Чем должен заниматься, чему служить, кем быть?» – у него не возникало. Да он и не задумывался над этим. Он любил своё лицо, тело, бравую выправку, всякие умения, которым он довольно легко обучался, любил свою образованность и то, что ему хотелось учиться, познавать новое. Вобщем он любил себя. А ближнего своего как самого себя? Как заповедано в Новом Завете, чтобы иметь жизнь с избытком и не просто жизнь, а жизнь вечную? Напротив, что-то тёмное, злобное, ехидное сидело в глубине его существа и руководило, именно руководило ... его отношением к людям. Если бы можно было его спросить, пожалел ли он когда-нибудь кого-то, подал ли милостыню грязному, больному, опустившемуся человеку с душевным участием и состраданием, хотя бы с мыслью, которая и должна сопровождать всякое подаяние: «Господи, помоги этому несчастному под-

няться, пусть эта моя лепта послужит исцелению его во славу Твою», – то Александр не нашёл бы в памяти такого случая. Убогих он презирал, осуждал, а чаще просто не верил им.

– Иди работай, – говорил он про себя или обсуждая с кем-нибудь (а он это очень любил делать) всякий случай прошения у него подаяния. Словом, интеллигентом он был внешне, а что было внутри – Бог знал.

Подобно и многие из русской интеллигенции больше внешне имели или скорее изображали благородство или, как модно в то время было именовать – благочестивость. Внутри же, во внутреннем, сокровенном человеке хорошо, если был хаос, а то и ад. Покаяние было для этих душ неведомо, потому то и вины своей, то есть греховности, они не понимали. Тяжесть, смута, иногда тоска, а то и уныние тянули душу, в конце концов, выливаясь в раздражение, крик, злобное обвинение кого-нибудь, кто в такой момент перенапряжения под руку попадался, на нём, как принято, и срывалось зло.

Александр стоял рядом с соседом под голубым чистым небом – красивый, двадцати двух-летний господин, наследник большого состояния и конного завода, и твёрдой рукой продолжал слегка лениво и будто небрежно поглаживать белоградую кобылу Настю. Жизнь, его жизнь простиралась во времени и пространстве перед ним неведомой дорогой, неуловимая, непредсказуемая, если не знать законов духовной жизни. Но если знать законы, которые принёс сюда на землю Тот, Который и пришёл, чтобы спасти род человеческий, то многое, многое можно было бы предсказать этой заблудшей душе. Новый Завет Иисуса Христа люди мудрые, понимающие тайный смысл состояния, движения и изменения духа, не зря называли книгой жизни. Она и только она выводит душу человеческую из тьмы на свет. Солнце светило нежно, будто лаская с неба. И эту его нежность нужно было почувствовать и откликнуться душой.

– Слава Тебе, Господи, – сказала бы Богу угодная и Богу послушная душа, поняв и приняв эту небесную милость. Бог хотел, очень хотел послать Свою любовь людям, чтобы и они имели в себе любовь. Богу хотелось приготовить душу молодого барина к любви, потому что об этом Его просила одна прекрасная любящая и верующая душа – душа Машеньки Евграфовой.

Отец этой благонравной девицы был дружен с покойным отцом Александра и после смерти друга часто заезжал проведать «племянника», как он душевно с малых лет называл молодого наследника. Александр был для него «братом Шуриком», тем любимым «племянничком», к которому нельзя явиться без гостинчика. Брат Шурик родился на три года раньше Машеньки и быстро расположил к себе любящее и простое сердце «дяди Володи». Эти-то почти родственные, а со стороны добродушного Евграфова-старшего и совсем родственные отношения укрепились и дивным образом сохранились до сих пор. Он, как родному сыну радовался братцу Шурику, и, что греха таить, всем сердцем желал его видеть мужем своей драгоценной Машеньки.

– Вот и дядюшка пожаловали, – искренне обрадовался Александр приезду соседа, с детских лет действительно любимого дяди Володи. Владимир Александрович спешил и тепло по-отечески обнял братца Шурика. Он даже ухитрился незаметно поцеловать воздух над головой молодого человека и мысленно благословить его на труд, долгую здоровую жизнь, семейное счастье и всё-всё-всё самое хорошее во славу Творца.

– А я и гостинчик припас, – протянул он ему что-то завернутое в розовую шелковую материю и перевязанную голубой атласной лентой. – Узнал, что новую кобылку объезжаешь, Настасью, значит, вот получай, чтобы летала, как ветер.

Волна чистой радости притекла к сердцу Александра, как только он прикоснулся к розовому свёрточку. Молодой человек знал это чувство и с самого детства искренне любил все гостинчики дядюшки Володи, потому что они то и были источником этой особой тихой, трепетной, а, главное, будто очистительной радости, какой его лукавая душа больше никогда и ни при каких обстоятельствах не испытывала. Александр знал, что дядюшка, как в детстве ждёт доброго словца и благодарности за этот пустячок, так себе знак внимания, и, развязывая гостинчик, подбирал или вернее рождал в своей душе нужные слова благодарности, чтобы порадовать «родненького», как про себя он называл соседа.

Если бы он повнимательнее отнёсся к вскипающим внутри его души слезам умиления! Если бы не сдерживал себя в радости и желании как в детстве скакать на одной ножке оттого, что приехал дядя Володя и привёз гостинчик! О! Это был бы человек-герой! Потому что только искренность, всякое отсутствие лукавства в духе делает людей героями. Но в нём, к великому сожалению, этого не было. Даже там, где он любил, он не мог, просто не умел быть самим собой до конца, а был всегда сдержанным, а значит хотя немного, но лукавым господином. Может быть, именно поэтому Спаситель сказал о богатом молодом человеке, что «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие», ибо Царство Небесное принадлежит детям – людям с нелукавой душой. Правда, искренности, нелукавству в движении к Богу и с Богом всегда должна сопутствовать мудрость или, вернее всего, премудрость, то есть помыслы и идеи Царства Небесного. А это надо знать. А знания Царствия Небесного, его истины заключены в одной волшебной книжечке, которая называется Евангелием или Благой вестью Господа нашего Иисуса Христа. О ней то, об этой книжечке дядюшка заводил разговор всякий раз с братом Шуриком, как приезжал в гости.

Эти разговоры или, вернее, беседы об Иисусе Христе дядюшка Володя умел вести несказанно прекрасно, тихим сердечным голосом, полным проникновенной любви, понимания и светлой веры в то, о чём он говорил. В далеком-близком детстве брат Шурик садился рядышком и слушал, слушал рассказы об Иисусе Христе, увлечённый, захваченный верой и любовью рассказчика. Но... отцу его это не нравилось, и он открыто стал высказывать это соседу, раздражённым тоном и при мальчике. Авторитет отца в доме был непререкаем, и беседы о Боге, о Сыне Его Иисусе Христе, Святом Духе, Матери Иисуса Деве Марии не то, чтобы прекратились, а ушли как бы в подполье. Шепоточком, коротенечко, уловив удобную минутку, дядюшка Володя продолжал свои благодатные беседы, которые хотя и нравились мальчику и даже очень трогали его детскую душу, но вот это гонение от отца стало смущать её, и посевы благодатного семени стали ложиться будто на почву при дороге или на каменистую. Посевы Слова Божьего быстро прилеплялись, втекали в душу ребёнка, пока она, глядя в глаза дядюшки Володи, слушала заветное. Но проходили рассказы шепотком, уезжал дядюшка, и жизнь входила в свою жесткую колею труда, труда, труда.

Отец Александра верил в Бога, признавал Его, но во главе жизни предпочитал нести трудолюбие и поклонение труду и только труду. День братца Шурика с семилетнего возраста стал похожим на день вполне взрослого труженика в том смысле, что с утра и до семи часов вечера вся жизнь его была расписана по часам. Западная манера воспитания была по душе отцу мальчика и он, владея большим богатством, ни за что на свете не решился бы воспитывать наследника как-нибудь по-другому. И своё божественное служение отец рассматривал исклю-

чительно как умножение посланного ему наследства и передачу его из рук в руки сыну, которого обязан был праведно наставить и обучить всему для выполнения его сыновней миссии.

– Ты – будущий кормилец! И кормилец не только своей семьи, но и семей своих работников, поэтому тебе не пристало лениться. Воспитывай сам себя в твёрдости духа, трудолюбии и всякой житейской мудрости, – любил повторять отец перед всяким занятием.

Он часто, начиная с трехлетнего возраста, вывозил братца Шурика на конюшни. Показывал лошадок, рассказывал довольно интересные истории о каждой, называл по имени. Поднимая малыша, он подносил его к шелковым гривам коней и разрешал погладить. При этом голос его становился очень тёплым, ласковым и, щекоча своими усами ухо малыша, он приговаривал:

– Твоя лошадка, твоя. Люби её, погладь её, пожелай ей быстро-быстро бегать. Запомнил, как её зовут?

– Салют, – отвечал братец Шурик, или – Молния, – или, – Ураган.

Так он учился говорить. А когда в имени лошади была буква «Р», отец просил произнести слово очень-очень усердно и чётко, а потом ещё несколько раз повторить.

– Ну, вот и с этим справились, – гладил он по головке мальчика, – и всё остальное преодолеем. Отец был очень строг и деятелен. И звали его тоже Александр Александрович.

В воздухе с приездом дядюшки Володи, как всегда, начиная с тех благословенных дней детства, почувствовалась тёплая волна. Что-то невыразимо нежное, светлое, живое и всегда новое втекало в душу с каждым новым вдохом. Поэтому-то теперь, как и в детстве после радостных объятий с дядюшкой, у Александра наступил момент непреодолимого желания помолчать, вдыхая этот дивный воздух, который будто привозил с собою дядюшка. В детстве он не обращал на это внимания, а вот уже пару лет это сначала ощущение, а потом уже постоянное чувство не покидало его в присутствии дядюшки Володи. В груди будто что-то оттаивало, теплело, хотелось улыбнуться, пожать гостю руку не приличия ради, а от души и пожелать побыть рядом подольше, несмотря на все дела, самые неотложные, которых куча, и они расписаны по минутам. Будто по волшебству они отодвигались в сторону, и главным становился дядюшка, его присутствие здесь и тот радостный дух, который он с собою привнёс в воздух. В руках Александра сверточек, завернутый в шелковую материю, тоже как будто приобрел живую силу.

– Невероятно, – подумал молодой человек про себя. – Невероятно, – подумал он то же самое, но не в голове, а где-то в нём самом, и ему стало тепло и радостно. Он уже заметил, что с некоторого времени с ним стало происходить от подарочков дяди Володи. И тогда он стал, чтобы продлить это чувство радости и тепла, растущее в нём, развязывать подарочек, всегда обязательно завязанный шелковой ленточкой, медленно и осторожно, чтобы продлить эту радость, изливающуюся изнутри на его губы и лицо улыбкой. – Что же тут на этот раз? Ну-ка! Ну-ка! – сказал, наконец, Александр тихо, но так, чтобы дядюшка слышал. Он ведь как никто другой знал, что дядюшка очень обрадуется слову внимания.

Дядюшка Володя озарился улыбкой. Он очень любил эти моменты, потому что втайне очень молился от всего сердца, чтобы через подарочек этот (или какой другой, это неважно)

оттаяла душа братца Шурика, чтобы Бог, Единственный, Великий, Животворящий и Всемогущий Бог коснулся её Духом Своим Святым. А тем более, что к этим подарочкам для братца Шурика на радость ему всегда присоединялась всем сердцем и единственная ненаглядная доченька дядюшки Машенька. Она и шелковые тряпочки подбирала, и бантик завязывала и, конечно же, молилась за спасение души соседского сына. Этой беззлой, доброй и чистой душе всегда и для всех хотелось чистой и радостной жизни, любви Божьей и Его покровительства. О том она всегда и просила, делая добрые дела. А на этот раз она втайне попросила Бога, Иисуса Христа, Духа Святого и Матушку Царицу Небесную выдать её замуж, если Им будет это угодно, за Александра. Её сердечко трепетало нежностью и страхом перед волей Всевышнего и, завязывая бантик, она заплакала счастливыми слезами любви и благодарности Богу за всё, что Он делал для неё в этой жизни.

– Господи, молю Тебя, пусть всё будет по воле Твоей. Ты Сам сердцеведец и знаешь мою искреннюю и чистую любовь к Александру, знаешь моё желание служить ему как мужу во все дни жизни его и молиться за него, чтобы он шёл по жизни в милости Твоей и совершал свои поступки и дела по воле Твоей, чтобы он никогда, никогда в жизни не отошёл от Тебя, не потерял, не забыл Тебя. Ведь и это Ты знаешь, что я боюсь за его душу, которая так податлива суете и влияниям нового, суетливого образа жизни. Его богатство так велико, что он может сбиться с пути к Царству Небесному. Не допусти этого, Святая Троица.

Так молилась Машенька, призывая Бога Всевышнего, Единого во Святой Троице, совершить Свою волю на ней грешной. И теперь, в ту самую минуту, когда руки Александра развязывали чудный бантик на подарочке, Силы Небесные чудотворили над ним. Духом Своим Святым Отец Небесный послал радость в сердце чада Своего и оживил в памяти молодого человека образ чудной, кроткой, безкорыстной девы Машеньки Евграфовой, не красавицы со светских балов, а души-девицы, ангела-хранителя, сильной и чистой, и прекрасной душой и ликом. Александру захотелось вдруг поцеловать розовый подарочек и, удивившись на самого себя, он так и сделал.

– Господи, как хорошо-то, – мелькнуло неожиданно в его сердце.

Захотелось обрадоваться в открытую, но... цензор, живущий в его голове, не позволил, и молодой человек быстро взял себя в руки. Тут же появилась мысль:

– Не расслабляйся, парень, не вольно, – почему-то голосом покойного отца.

Александр быстро собрался и не позволил себе расслабиться.

Дядюшка Володя очень надеялся на тёплый приём подарочка, знал и отцовским сердцем проникал в тайные чувства своей доченьки и конечно поддерживал её желание. А в сердце своём, которое умело думать, он со смирением просил так:

– Господи, пусть будет всё по воле Твоей. Ты Один знаешь, что лучше для спасения нас грешных. А моё отцовское желание Ты тоже знаешь. Христос-Спаситель, сердцеведец, растопи лёд души, самонадеянность и деловую расчётливость Александра.

И когда он подавал подарочек, то очень надеялся, что помощь душе братца Шурика обязательно придёт, пошлётся Богом Духом Святым. Нет, он ни в коем случае не хотел расслабленности, лени, неделовитости, а просил оживотворения души парня, поворота её к Богу и

труда с помощью Божьей. Он сам, как никто знал, вернее, познал, что значит труд в Боге и во славу Его. Как радостно он спорится и насколько легче и радостнее душе, как она становится податлива на добрые дела.

Они стояли вблизи прекрасно обновлённой конюшни. Молодой хозяин закончил работы совсем недавно, и лошади из временок уже были переведены в постоянные, новые «жилища». Оборудование конюшен делалось по образцам заграничных фотографий. Александр провёл долгую подготовительную работу, сам всё выбрал, художнику-архитектору поручил сделать проект, щедро заплатив за него. Несколько раз приходилось увольнять нерадивых рабочих. Когда строились новые конюшни, сердце Александра трепетало. Всё его существо было собрано в единое горячее желание довести дело до конца и сделать всё не только хорошо, но прекрасно. И ещё всё время вдохновляла мысль или даже, скорее, мысленный лозунг:

– Так, чтобы отец порадовался..., если бы был жив.

Вдруг Александр взглянул на небо. Взглянул так просто, даже без особого внимания, как будто даже в пространство. Но нечто, что ему в данный момент, да, да именно в этот момент посчастливилось там увидеть не то что бы поразило его, а остановило в нём прежнее видение всего окружающего и как бы помогло переступить на новую ступеньку жизни, жизни внутренней, духовной. Небо во время этого разговора двух объединённых духом людей: одного – потерявшего в огромном суетном мире сироты братца Шурика, и другого – чужого по крови, но любящего его всем сердцем бескорыстной отцовской любовью и желающего спасения его душечке соседа дядюшки Володи – расчистилось настолько, что ни облачка на нём не осталось – только нежная, ласковая голубизна, льющаяся в самую душу. Оно стало будто живым полотном и в тот момент, когда «добрый молодец» привычно вскинул глаза, чтобы глянуть вдаль, живое полотно действительно ожило. Нежно-нежно розовое облачко стало выплывать из сияющей глубины неба. Именно из самой глубины. Это облачко обрамляло золотое сияние, как будто корона красовалась на великолепной розовой головке. Но самым чудесным и неподдающимся никакому на свете запечатлённому описанию было то, что облачко в своём золотом сиянии летело прямо на молодого человека, как будто он стал избранником, и к нему летит эта небесная благодать. А душе-то, в душе вдруг такая праздничность засияла, какой Александр отродясь не испытывал.

– Господи, Боже мой, что это за диво такое, – всем сердцем, ничего не боясь и ни о чём не думая громко воскликнул он. Вот только не знал, да так и не узнал он до конца дней своих вслух крикнул или про себя, потому что иногда в такие духовно высокие моменты вспоминается одно, а на самом деле было другое. И это потому, что главная, внутренняя наша жизнь, скрытая от зрения и слуха окружающих, вдруг начинает менять своё русло и сначала как бы пробуждаться после долгого смертного сна, потом, подбадриваемая и движимая силою Духа Святого по молитвам любящих людей, набирает силу и берёт верх над жизнью внешней.

Это чудо осознания внутренней, невидимой силы своей сущности, которую люди посвященные называют духовной, вдруг в одно мгновение произошло с молодым человеком.

– Я, не я, а кто-то гораздо больший, чем я привык о себе думать и считать, но больший тихо, не помпезно-величественно, так, чтобы все обо мне знали, говорили, уважали, считались, а как-то незаметно, будто со стороны, но чтобы хорошо делалось другим, хорошо, но только не ясно откуда, почему и как.

Он осознал свою душу, её живую силу, её связь, истинную, животворящую и всемогущую связь с Богом-Творцом Живым, и понял в этот краткий миг, что духом можно многое сделать, только если установка твоего духа, который собственно и есть двигатель всякого дела на Земле бескорыстная и для Бога полезная. Всё это, как озарение, пронеслось внутри Александра, будто кто-то беседовал с ним, пока он, не переводя дыхания, смотрел на приближающееся розовое облачко в золотой короне.

Это чудесное видение, нежное и даже будто завораживающее своим внешним видом меняло его внутреннее состояние. В этом он мог поклясться, потому что за считанные секунды преобразился так, что стал новым человеком, а может быть просто здоровым, освободившись оттого, что сковывало его душу с самого детства под насилием учителя-отца. А теперь случилось с ним, случилось это диво-дивное и всё тут! Он почувствовал лёгкость и благодарность самому Высокому, Невидимому, но Любящему Богу! Широко улыбнулся, перекрестился, как в детстве учил его дядюшка Володя, без стеснения и сказал:

– Слава Тебе, Господи!

Он медленно отвёл зачарованный взгляд от неба и волшебного облачка, почувствовав и осознав в себе вдруг озарившую его свыше юношескую, даже почти детскую лёгкость, и огляделся, ища дядюшку Володю. А тот уже подходил к нему, будто готовый принять новорождённого младенца, тепло и щедро раскрыв объятия.

– Шурик, Шурик, мальчик мой дорогой, – повторяло его любящее сердце. – Как, подарочек-то, по душе?

Говорил он просто, почти как простолюдин, зато от слов его всегда становилось «добре». И это слово было тоже его, и Александр любил его, в душе любил, даже иногда в мыслях повторял, но наружу выпустить сдерживался, чтобы не дать себе расслабиться. Ведь этого и только этого он всегда всю свою молодую жизнь боялся допустить. Наказ отца быть кормильцем не только своей семьи, но и работников своих, их благодетелем, сначала молодым хозяином, а потом уж, когда заведет семью, и батюшкой-благодетелем, царил над ним, как лозунг жизни. Так в их роду передавалось из поколения в поколение, и отступление строго наказывалось: начинались неудачи, дела не спорились, деньги утекали, рабочий народ начинал голодать.

Александр не сумел возлюбить Господа Бога своего всем сердцем своим, всей крепостью своей и делал всё, как и его предки, полагаясь только на себя. Так его растили, такой опыт служения своей семье, своему роду передали, а нежную, едва зарождавшуюся в его детском сердечке любовь к Богу Отцу и Сыну Его Иисусу Христу, благодаря стараниям дядюшки Володи и конечно же по искренним детским молитвам за соседского мальчика, брата Шурика, светлой души Машеньки Евграфовой, заглушили.

А теперь искорка той любви, казалось бы, уже совсем потухшая вдруг чудесно как-то, будто с самого Неба кто-то раздул её, возгорелась.

– Кто? Кто? Кто? – И вспомнились во мгновение слова стихов, которые в юношестве, идя по лугу он любил про себя читать, потому что оживали мысли о Боге, о Его существовании, просто вспоминалось, что Он есть.

Милое тело спящей Земли

*Кто разбудил и украсил?
Нежностью выстелил думы мои?
Зло победил благодатью?*

Надо же! Вспомнил! Я ещё живой! – Кометой пронеслась мысль где-то во всём его существе. – Живой! Живой! – Вслух радостно повторил он, хотя и немного сдержанно по привычке, будто размышляя вслух, и обнялся с дядюшкой Володей.

– Подарочек превосходный. Надеюсь, Настенька будет, как ветер, летать, – говорил он, бережно освобождая от розового покрова новенькие подковы. По поверьям русской старины подкову найти или получить в подарок – это к счастью, и Александр по-детски радовался подарку. Да и Настасья, молодая кобыла подавала большие надежды и статью, и мастью, и всеми физическими качествами радовала, как будущая мать выдающихся, непобедимых рысаков. Дорогая, племенная она ещё радовала сердце и потому, что с жеребеночка Александр сам выхаживал её, как дитяtko.

– Эй, Семён, – крикнул молодой барин работника, которому доверял, как самому себе, и когда подошёл дюжий молодец, русоволосый с открытым русским лицом и ясными голубыми глазами, протянул ему новенькие подковы и радостно сказал: – Вот, Семён, нынче Настасью подковать! Тебе поручаю, слышь?

– Сказано, сделано, батюшка, это мы мигом, нешто подведём. Никак нет. Это мы мигом!

Семён с видимым удовольствием отправился выполнять задание, а дядюшка Володя, обняв брата Шурика, повёл его как бы пройтись маленько по лужочку, что тут же от порога конюшен и начинался и будто обрамлял собою «малый выезд» – площадку для объезда и тренировок лошадей.

– Ну вот, добрый мой молодец, – тихо, из самой глубины души сказал он, – взглядишь в небушко, только глаза свои подними к нему да обратись, и оно тут же тебе всякое вразумление даст. Только ты от души посмотри, то есть с чистой душой и совестью, мол, грешен я, не достоин даже глаз поднять, а вот ведь поднимаю и молюсь, потому что знаю, как Ты милосерд, Отец наш Небесный. Как мы в детстве с тобой говаривали, так и поступай, парень! Бог, Он у нас один, единый во Святой Троице: через Сына вразумляет, Слово Евангельское Им пришло, и Духом Святым помогает. Как тепло и радостно на душе стало после молитвы – значит Духа Истины послал.

Они шли рядышком, не спеша, говорили тихо, даже немного распевно, и кто-то невидимо очень нежно и заботливо хранил их путь.

– А дали Божьей несть конца, она, как река чистая и прямая течёт себе и течёт, а глядь она и есть – «твоя река», река, значит, твоей жизни. Только доверяй Богу и по заповедям Его живи, в сторону не уклоняйся. Он, Владыка, твою жизнь и выправит, Сам русло вычистит, бережки выровняет и всё тебе начнёт открываться, где правда, а где кривдой пахнет – не смей, мол, туда, а вот лучше Богу подчинись и так пойдешь, чуть пострадаешь, что тоже иной раз не вредно, зато истинного ума-разума наберёшься. Евангелие да Библию не забывай, – говорил дядюшка Володя, неспешно. И его размеренная речь будто успокаивала молодого человека. И вдруг молнией пронеслась мысль:

– Но ведь так и убаюкаться можно, тихо-тихо, по шажочку... Господи, ведь так и лапки сложишь, а труд? Как же труд? Единственная наша опора, столп, на котором стоим! И я, и родительница матушка моя, и родня, которой конца и краю нет, и работники с семьями.

Слова отца громом прогремели в голове молодого хозяина:

– Не смей расслабляться, не поддаваться религиозной расслабленности! Лень и жалость к себе в два счёта скрутят! Тогда пропало дело!

Александр прислушался к себе, к своей душе, телу, всему своему существу, только без головы, то есть без мыслей, попробовал как бы выключить их, тем более, что в мыслях даже слышался голос отца. Немалым усилием воли ему удалось это сделать – как будто выключить лампочку, успокоиться и сравнить то состояние своего существа, которое он только недавно пережил, и это, в которое хотели ввести его мысли о «чёрной» будущности. Оказалось, что мысли и душа были как бы две половинки его существа. Под воздействием души он был одним, а под силой напора откуда ни возьмись мысленного образа и наказа отца – совсем другим.

– Раздвоение, – подумалось ему. – Господи, Ты Боже мой, что это со мною? Как же так? В душе – одно, в голове – другое? Как это может быть?

Впервые в жизни он обратил внимание, что голова и сердце вызывают разное состояние его существа. Он отрешился от своих мыслей и чувств и прислушался к тихой речи дядюшки Володи.

– Бог в сердце, вернее в душе, которая в области сердца, о ней пекись, чтобы ей хорошо, благостно было. А к этому её состоянию ведёт жизнь по заповедям Божьим и по заповедям блаженства, принесённым на Землю Богочеловеком Иисусом Христом.

– Господи, вот чудеса! Да ведь дядюшка мои сомнения разрешает. Будто ответ даёт. Вот это да! Ну и чудеса! – Снова мальчишеская чистота ворвалась в него, и стало тепло и хорошо. Он почувствовал душу. Приложил к ней руку. – И лени никакой и желание трудиться не пропало. А всё как-то по-новому повернулось. Как? Как?

– Любчик мой, ненаглядный мой, да ведь мысли головы и мысли сердечные разное в человеке творят. Мысли головные только добрые и не ведущие к разрушению мира и благодати Божьей в себе, в окружающих тебя и вообще всюду вокруг можно слушать. Мысли же, ведущие к чувствам обиды, гнева, зависти, злобы, алчности, непомерного возвеличивания себя и самолюбования... – гнать надо немедля, они то и есть разрушители и в бранные мозги наши вселяются помимо Божьей воли производителем зла, который только и может действовать через мысли. Скребётся, скребётся такая дьявольская мыслишка в голове, гложет, гложет бедную головушку, позабывшую о Боге или вовсе не знающую Его, а потом и в сердце проникает. Тут уж бороться с ней очень трудно бывает, она завладевает твоим существом, то есть душу порабощает, и в ней, в душе-то твоей – чаде Божьем, вместо благодати и любви Его, которая и есть основная помощница во всех делах Ему угодных, водворяется груз сомнения, страха и немощи, да ещё суеты и нервозности: «Ах, не успеть, ах не одолеть, ах, как жить будем, а если по миру пойдём я и дом мой?» Не бойся, всё успеешь и всё одолеешь и сыт будешь, только потребности Он тебе сократит, тебя самого изменит, в крепость свою приведёт, только познавай Его, не уклоняйся на чужие пути, – говорил дядюшка Володя, а Александр слушал и принимал его слова, как ответ на свои сомнения. Душа опять оттаивала, и хотелось жить!

Линия горизонта вдруг чудесно как-то приблизилась к беседующим и оказалась совсем-совсем рядом, так что молодой человек даже немножко отпрянул назад, не то чтобы испугавшись, а снова – от встречи с чем-то непривычным, от приближения небесного к земному. Даже будто дышать легче стало. Кто-то невидимый пришёл и водворил мир и благодать вокруг них. Внутри Александра выросло такое чувство, что они вот сейчас идут не спеша, беседуют, как тихий мирный ручей струится дядюшкина речь, не по бедной, грешной земле, а уже по небу, голубому, мирному, тихому и безкрайнему. Тёплым, благоухающим потоком нахлынули воспоминания детства. Александр всей своей крепостью и мужеством вспомнил вдруг живого мальчика-подростка со всех ног летящего из детской навстречу Богу, которого нёс в себе дядюшка.

– Вот красота, вот славно! – вырвалось будто из самого его сердца, и никакая внутренняя преграда не смогла подавить этот восторг.

И неземное будто стало вливаться в земное, вечное – в сиюминутное. Окружающая природа в это мгновение приоткрыла свой вечный лик, и животные предстали друзьями, которых нельзя убивать, ибо убийство ожесточает, а потом и убивает душу убийцы. Это осознанием вспыхнуло в самой глубине всего существа Александра на уровне между глазами и сердцем и озарилось ярким светом. Был миг озарения свыше! Будто сама сияющая мудрость влилась в него извне, пройдя сквозь телесное обрамление, и освятила всю внутренность и всю крепость его. Потом Александру стало несказанно хорошо и хорошо по-новому. Так хорошо ему ещё никогда не бывало! Он даже не смог бы найти подходящего определения этому состоянию, потому что оно тоже представилось ему неземным. Но всё-таки, если бы его очень-очень кто-нибудь попросил назвать это состояние словом, ближе и точнее всего подошло бы слово «мир»: «абсолютный мир... мир бесконечный и твёрдый».

А дядюшка Володя шёл рядом и рассказывал, рассказывал своему «дорогому мальчику», как он привык считать и называть Александра, о Евангельских событиях, о проповедях Иисуса Христа. И вот в то самое время, когда он рассказывал о дивном даре, который обещал Иисус Христос любящим его ученикам, говоря: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается», – в Александре и произошло это чудесное внутреннее озарение, а потом в душе наступил благодатный мир.

Дядюшкин голос звучал тихо и ласково, он будто сказку рассказывал, стараясь бережно подвести любимого ученика к вечному знанию, и хотя Александр не слышал слов, знание, будто само собою лилось в его душу, движимое дядюшкиной любовью и желанием пробуждения молодой его души. Так совершилось чудо!

А потом... потом... как всегда и бывает наступило пробуждение – пробуждение в новом состоянии души! О, как это было невероятно, до неузнаваемости себя невероятно! После небесного озарения что-то произошло с его сердцем. Захотелось всё и всех обнять и ... поцеловать. Он так и сделал.

– Дядюшка, дорогой, как же мне хорошо! – сказал он и обнял соседа как самого родного человека.

А дядюшка Володя, который будто не шёл по земле, а, рассказывая о Христе и Его учении Александру, плыл по облакам, ничуть не удивился, а, обнимая пробуждающегося ученика, сказал:

– Ну, вот и слава Богу, вот и славненько. Смотри, какая благодать кругом! Солнышко-то, солнышко-то как ласкает каждую травинку, всякий листочек и нас с тобой грешных. Сколько у Бога любви. А ты попроси, попроси хоть капельку её влить в твою душечку – истинной, Божьей любви-то!

Александру захотелось остановиться, скрестить ладони рук, как перед священником для благословения и так застыть перед Отцом Небесным, присутствие Которого он вдруг почувствовал.

– Он там, на небе! Оно не пустое, Он – там. – В голове неслись слова и повторялись... повторялись... повторялись: – Благослови, Владыко! Благослови, благослови, благослови!

Ему стало тепло-тепло, и он почувствовал, как в неподвижном воздухе поднялось лёгкое ласковое дуновение, будто поднялась и прикоснулась к нему грешному ласковая любящая рука. Он затаил дыхание. Сбоку к нему донеслось почти волшебное шептание молитв дядюшки:

– По милости Твоей, по милости, по милости и любви неизреченной не оставь сиротинчку.

Голос опять уплыл в сторону, будто в другой мир, а тепло и забота Неба снова окутали Александра. Ветерок ласкал и ласкал его молодое лицо и вдруг не капельки дождя, а какое-то лёгкое, едва прикасаемое к лицу морошение явилось... оттуда! Он подставил этому любящему невидимке глаза, губы, щёки и начал улыбаться, так ему стало радостно и благодатно. Впервые в жизни с ним произошло такое.

– Такое!.. Такое... такое небесное чудо!

Опять голос дядюшки прозвучал совсем-совсем рядом:

– Моисей искал Бога в порывах ветра..., а Он – в лёгком дуновении ветерка.

Во всём его существе происходила какая-то дивная перестройка, как будто всё оно перестраивалось на новый лад. А потом, уже дома, когда ему очень-очень захотелось спать, и он по обыкновению начал умываться, чтобы сон не сморил и не уложил в постель, новая, неведомая нежная и тёплая волна всплыла изнутри, ударила в щёки, он даже почувствовал что они порозовели, а мысль, сладкая и чистая как то небесное видение и морозящий дождичек среди солнца и лёгкого дуновения ветерка, родилась в нём, будто прошептала:

– Ты теперь новый: и земной и небесный. Слушай послания Мои.

Ему захотелось бежать к дядюшке Володе и всё рассказать ему, спросить:

– Что это? Откуда?

Он вышел на веранду своего большого прекрасного дома, за который, как, впрочем, и за всё богатое хозяйство после смерти отца он остался ответственным, и взглянул на небо. Оно было спокойно. Он улыбнулся и с удовлетворением отметил, что и душа его спокойна и смиренна. Впервые в жизни в голове не пульсировала мысль, будоража сердце: «Надо всё удержать, надо поддерживать порядок. Хозяйство надо совершенствовать. «Господи, помоги!» На этот раз было совсем по-другому. И сердце, и мысли будто кто-то любящий очистил и думалось с тихим восторгом одно:

– Господи, как хорошо! Слава Тебе, Господи! Вот оно какое небо! Ай да небо! Никогда такого не видел! И птицы голосят.

И деревья вдруг попали в поле его внимания. Прежде он никогда не задерживался на таких мелочах. Ему понравилось смотреть на зелёные округлые листочки, которые двигались едва заметно, ласкаемые нежным ветерком. Вспомнилось сегодняшнее нежное дуновение ветерка и сладкая морозящая, будто золотая любовь неба и подумалось:

– Наверное, Бог Отец всех нас так любит, радуется и хочет, чтобы мы это поняли и приняли. Вот ведь и теперь смотрю на этих малышей и вспоминаю, сопоставляю, как Он со мной нежно говорил, будто душу лечил. А листики на деревьях представились ему нежными детскими пальчиками, которые от радости и ликования трепещут не в силах сдержаться. Так, бывает, дети скачут, прыгают, ластятя, а спроси их, почему и сами не знают, просто так. Хорошо и всё! Один Бог знает.

Вдруг его внимание снова привлекло розовое облачко на ясном фоне неба. Как дорогому другу улыбнулся Александр ему и поспешил на террасу. Облачко двигалось навстречу ему, свет его струился в самую душу. Снова, откуда ни возмись, ликование стало наполнять его. Так бы он раньше подумал, а теперь точно знал, что несёт его дорогое облачко с золотым ободочком. Только теперь ещё одно чудо-чудное стало нарождаться в душе: чётко и ясно мысль его повторила имя Мария, Мария, Мария...

Это на невидимом божественном парусе прилетело имя наречённой, имя невесты. Так его озарило, да так оно и было.

– Только кто она? Кто? Кто?

И тут же в сердце, во всём его существе всплыл образ Машеньки Евграфовой.

– Господи, Ты Боже мой! Ведь мне же двадцать восемь исполнилось. Время женитьбы в нашем роду, – тут же вспомнилось ему. – Ведь он на днях об этом размышлял и с матушкой беседовал. Она мне и «мол, пора, пора», а сама всё Марию вспоминала – какая она прекрасная девица, как ей нравится, что, мол, лучше снохи и не пожелала бы. А я то, я то слушал, как в затмении каком, будто не обо мне, а о ком другом матушка печется, – думал молодой человек, волей Божьей вошедший в возраст и образ жениха в своем роду.

В родах христианских желание обзаведения семьей, ответственность и сила мужская и отцовская приходит к юноше в простой работающей семье раньше, чем юноше из семьи обеспеченной или богатой. Одному надо поскорее возмужать, налиться силою, чтобы помогать в заработках, да и по домашнему хозяйству отцу, поскорее детей начать растить и поставить их на ноги, пока силы цветут, обучить деток всему, чему самого предки обучили, да и жизнью

полюбоваться и потешиться вдоволь, пока силушка кипит. Вот и устанавливается в роду возраст жениховства и от деда к внуку передаётся, в семье этот возраст все знают, готовятся к свадьбам, как Бог дает да вразумляет. Мудрый священник в церкви молится за «своё время» для каждого юноши, чтобы не впал в соблазны да в прелесть, девиц не портил, а чинно да безгрешно свою любушку нашёл, да по любви обвенчавшись, семью заложил. И от людей не стыдно и перед Богом чисто. Семья – святое. Это и для бедных, и для богатых одинаково перед Богом. По христианскому закону в семье своей из рода в род надо Бога славить, благодарить за все милости, не стыдяться и не боясь ничего. Бог слышит и любит молитву семьи, и отца-молитвенника, труженика и праведника благословляет здоровым потомством. Но горе и беда всему роду и отошедшим, и ныне живущим, если дом охладел, если не собираются на молитву члены семьи, поминая усопших и не наставляют молодых от младенчества, как жить по Божеским законам, как любить и благодарить Бога за все дела Его и милости для семьи, как исполнять волю Его, хранить мир в душе и в доме, молиться друг за друга, не пренебрегать родством своим, со всеми родственниками примириться и всегда из поколения в поколение передавать свидетельства о чудесах Господа Отца и Сына Его Иисуса. И всякий раз славить, славить, славить Единую Святую Троицу – Отца и Сына, и Святого Духа.

– Аллилуия, аллилуия, аллилуия, Слава Тебе, Боже, – пелось в душе молодого хозяина. Не в голове, как привычно водится, а именно в груди вдруг зазвучало это славословие, которое больше всего нравилось ему слышать в церкви.

Он не был человеком, как принято говорить, церковным, и во многое в церковном богослужении не вникал, не было интересно, но вот, когда хор запевал «аллилуию», всё внутри Александра ликовало и хотелось, чтобы состоянию этому не было конца.

Пасхально высокий голос церковного хора, замирающе прекрасный, до самого купола возносящийся, сейчас ликовал в его духе, выводя любимое «аллилуия, аллилуия, а-а-аллилуия...» Свет сиял в нём несказанный, его обновили свыше, наполнили, как сосуд, драгоценным напитком благодати, не хотелось ничего плотского, никаких утех, которые так привычно составляли многие годы радость его молодой жизни. Началось обновление души. Евангелисты называют его вторым рождением человека, рождением свыше (это ошибка!). В Благой вести сказано о том, что тот не войдет в Царствие Небесное, кто не родится дважды – плотью и духом. И вот по молитвам очень любящего человека дядюшки Володи и его ангельски чистой дочери Машеньки с Александром стало совершаться это диво-дивное (та же ошибка!). Стоял в это мгновение «светский лев» и думал про себя:

– Господи, да ведь ни в сказке сказать, ни пером описать, что такое сейчас со мною творится. Ведь рассказать кому или совета спросить – не поймут, за дурного примут. Как же быть? Как? Вот ведь радость-то, радость какая!

И слова в нём, уже не в голове, а во всём его существе подбирались добрые, радостные и ласковые. Он и верил, и не верил самому себе, узнавал и не узнавал себя.

Небо разгоралось у него на глазах. Все движения, которые на нём происходили почти незаметно глазу, теперь совершались, будто на гигантской голубой сцене, быстро, плавно, обнаруживая те небесные глубины, о которых прежде Александр и не подозревал. Небо говорило с ним. Бог приобщал его к той глубинной красоте неба, которую может увидеть, постичь и принять без всякого размышления пробуждающаяся душа, однажды вдруг почувствовавшая там,

наверху, в необъятных голубых далях Престол Отца, сидящего рядом с Ним Сына и изливающегося на все Его творения Духа Святого, Духа Истины. Ему подумалось чистыми мыслями:

– Вот, ведь, наверное, такая и есть вечная жизнь. На душе и в голове ясно, легко и всему хочется радоваться – просто так, и Кого-то благодарить за эту жизнь, за эти невероятные картины, которые с такой любовью кто-то мне показывает.

Рассвет входил в силу, превращаясь из зари в могучий источник света, жизни. И молодому человеку это открылось. Он подумал об этом, и опять, как ему показалось, Кто-то захотел обратить на это его внимание. И ещё... ему пришла мысль об отцовстве. Он глубоко вдохнул утренний воздух, и это желание стало укореняться и разрастаться в нём. Он точно так почувствовал и обратил на это внимание некоторое время спустя. Ему увиделся колчан со стрелами, а потом... три молодых прекрасных сына, натягивающих свои луки. Они были здоровые, прекрасные, а через некоторое время он увидел приближающуюся их мать. Сыновья встали на одно колено, опустили луки и так приветствовали её. Их мать и его жена шла лёгкой походкой, улыбалась и протягивала всем руки. Это была... Машенька Евграфова.

Ещё мгновение назад он ничего не знал, не был так наполнен, напоён счастливым открытием, которое потом переросло в крепкое устойчивое и благостное желание иметь семью.

– Диво-дивное, чудо-чудное, – пело его сердце, когда образ счастливого брака будто бы уплыл в сторону. – Что? Что это было? – спрашивал ум, а душа отвечала:

– Благословение свыше. Твои труды, твоё праведное попечение о людях, вверенных тебе по наследству, благословляется свыше, и Бог хочет продлить род твой в детях твоих от жены праведной, угодной (кому?) и любимой перед лицом Его.

И верилось, и не верилось в это. Уж очень всё нахлынуло неожиданно и невероятно, как в чудесном сне и справиться с этим сиянием вокруг, внутри себя, с этими чудесными, неожиданно новыми мыслями в голове казалось невероятным. И он всё стоял и стоял под утренним, голубым небом, как бутон цветка, готовый к расцвету. Никогда он не стоял на этой с детства любимой террасе в такой чудесной полноте, испытывая невероятную к себе ЛЮБОВЬ. Ему было тепло, тепло тем необыкновенным, чистым и преданным теплом любви, которое согревает человека всего и, главное, изнутри, как бывает после рюмки старого доброго коньяку или бокала солнечного хереса, но только к похожему теплу прибавляется ещё и сияние глаз, и радость и своя собственная вдруг откуда ни возьмись пробудившаяся ко всему на свете любовь и пение сердца:

– Слава Тебе, Отче! Слава Тебе, Иисус! Слава Святому Духу – Троице Святой!

Так он уже и не помнит, сколько простоял на своей любимой терраске, напевая в сердце эту песню-молитву благодарности. Потом, когда он не раз вспоминал в своей жизни эту терраску под голубым небом, льющийся в самую душу свет восходящего солнца и себя, согретого и обновленного Отчей любовью, это тепло и любовь всякий раз возвращались к нему. Бог был с ним и подтверждал это благодарному сыну: «Только вспомни наше заветное и не предай! Я всегда, всегда с тобою до скончания века», – говорил Он Александру всем теплом Своим.

Так этим ранним утром, под голубым рассветным небом произошло их соединение – Отца и молодого усыновленного Александра. Ему почему-то вспомнилось, как на Пасху он

исповедался и причастился вместе со всеми в маленькой домово́й церкви дядюшки Володи. Потом ему захотелось спать, и он, не переламывая себя, поспал, а после сна в его душе был похожий праздник и тепло.

Много-много разного произошло с того памятного утра в жизни молодого хозяина конного завода под Киевом. Вихрь времени, его времени, в котором Бог назначил ему пронести свой крест, не щадил никого, по воле Его призывая обратиться к истине, узреть её в каждой капле жизни и сделать хотя бы один шаг в сторону искупителя грехов человеческих Иисуса Христа Сына Божия. Церковь, хотя и несла Слово Божие к пастве, сама не могла разобраться во многом множестве вопросов, которые Бог в эти времена ставил перед людьми. Ошибки совершались по неведению законов Духа Святого. Неосознанные, а значит, и не влившиеся в кровь они не могли послужить соединению души с Богом, а значит и получению благодатной Его помощи в движении по реке жизни. Слово, хотя и сеялось в паству по церквям, но прорастало туго, чаще всего по причине недопонимания, а от того и неприятия в самое сердце.

А с Александром совершалось, хотя и помаленьку, по детскому шажочку то великое прорастание семени Божьего – Евангельского Слова, благодаря любящему сердцу дядюшки Володи, беседам о Боге и по молитвам его и его прекрасной, чистой Машеньки. Они ведь вместе молились в своих утренних и вечерних молитвах за заблудших, отступивших от веры и церкви православной своих соседях и очень просили Господа Иисуса Христа о спасении отрока Александра. В конце концов, Господь внял их молитвам, потому что и святые угодники Божии предстательствовали и ходатайствовали за него по искренней и чистой просьбе о помощи и вере бескорыстных соседей. Чудеса Божьи и Слава Его начали являться в великом множестве. Хотя не всему назначено было быть благодетным и радостным. Много скорбей и испытаний уготовано было этой стране и людям её. Но тем, кому по молитвам друг за друга назначено было стать солью земли, посылались и откровения, и особенная духовная сила нести свой крест в России в эти времена. Так случилось и с Александром Никоновым. Господь милостиво, с большой Отчей любовью послал ему жениться на Машеньке Евграфовой и счастливо прожить в браке три года. Он не дал им детей, но зато около новых своих родных Александр сам рождался заново во второй раз, как уготовано по Евангельскому завету всем, кому надлежит войти в Царство Небесное. Там сказано так: «... истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия...» и «если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (та же ошибка).

И вот это-то откровение, начав изучать Евангелие, прочел однажды и молодой супруг. Его сначала поразила эта строка, он ничего не мог понять. Это не укладывалось ни в уме, ни в сердце, потому что сам был ещё рождён только однажды – плотью. Но Богу было угодно Духом Своим Святым пробудить в душе Александра неугасаемое желание познать что же это такое. И однажды, начав в нём действовать, Дух Истины не давал ему успокоиться и медленно, в меру сил и готовности вмещать Небесное вёл его к постижению этой великой тайны.).

Руководителем его духовного движения был, конечно же, дядюшка Володя, так он продолжал по привычке величать своего теперь уж настоящего родственника.

В одно такое же прекрасное «голубиное», как назвал его в своей душе «братец Шурик», утро он решился, наконец, спросить дядюшку об этом полностью захватившем его вопросе. Правда, он почему-то долго не мог выразить, что же он хочет понять и что его здесь смущает. Удивительно, но в голову лезли мысли, как какое-то наваждение, о том, что он видел на небе,

как начал с ним общаться, как почувствовал Бога и о том, что ему кажется, что родиться Духом это оно и есть.

Дядюшка любил, как и прежде, вести беседы по Евангелию. Это была его любимая и самая волнующая тема – тема его жизни. С некоторых пор так стало и для Александра. И если раньше он глубоко не принимал слова о Боге, Сыне Его Спасителе Христе, Деве Марии и святых апостолах, то теперь, на вершок приблизившись к этой великой тайне жизни, стал, как пробуждающийся младенец жаждать успокоительной ласки, исходящей от Слова Божия и жить этим. Вот почему на этом этапе его восхождения по Небесной лестнице Дух Истины, Дух Святой не давал ему покоя, и он жаждал прояснения тайны второго рождения, тайны рождения свыше. И вот однажды воскресным днём после причастия он спросил:

– Дядюшка, как понимать эти слова: “Кто не родиться свыше, не может увидеть Царствия Божия”?

Дядюшка как-то по-особому обрадовано, светло и внимательно, будто боясь что-то пропустить, всмотрелся в лицо дорогого человека.

– Да? Уже? Уже хочешь знать?! – воскликнул он таинственным шёпотом, а потом, как любимое дитя погладил Александра по голове, опустил руку на плечо и сияя глазами сказал:

– Поздравляю! Но и предупреждаю, будет трудно, а ты не сдавайся. Иди, иди, только вперед. Сейчас душа твоя начнёт очищаться. Слезы покаяния потекут из глаз, не препятствуй. Грехи твои будут массами открываться тебе, записывай и кайся, кайся у священника. Разрешение необходимо. А теперь давай помолчим. Так надо.

Александр согласился, потому что и сам в себе чувствовал, что очень хочется помолчать. Он подумал о том, что не зря, наверное, всё последнее время разговоры с дядюшкой получаются на улице под открытым небом. Он и не загадывает, когда и где поговорить, а просто так получается.

– Ближе к Богу под небом-то, – будто подсказывал кто-то мысленно Александру. Ему стало хотеться почаще быть на воле и смотреть, смотреть и уже теперь не только глазами, а всем своим существом, в центре которого жила душа, на небо.

Всякий раз, как они с дядюшкой медленным шажочком прогуливались по небольшому, но прекрасному парку вокруг усадьбы Никоновых или по лугу возле конюшен, ему теперь всегда было чудесно хорошо от близости неба и осознания и ощущения того, что он находится и там, и здесь. Однажды, даже как-то в душе родились слова:

– Стою ногами на земле, а душою на небе. Господи, помоги мне быть всегда с Тобою.

Они повторялись и повторялись как песня несколько дней подряд и молодой супруг рассказал об этом своему новому отцу, который по милости Божьей и по своей бескорыстной любви к юноше с самых детских лет стал ему и заправду отцом – отцом по духу.

Дядюшка Володя очень обрадовался, глаза его засияли тем особенным сиянием, в котором присутствовало сокровенное приобщение к тайне, и сказал тихо:

– Братец Шурик, да ведь это же молитва. Молитва твоей души. Это она, она, голубушка, просится всегда быть с Отцом своим. Поздравляю тебя и желаю всегда, всегда слушать душечку свою и не препятствовать ей в молитве. У тебя прекрасная богатая душа, но ей сейчас нужно помочь очиститься от грехов и твоих и рода твоего, которые мешают ей расправиться и начать расти. Да, да, душа, также как и тело, должна пробудиться, очиститься, а очистившись выздороветь и начать развиваться и расти по Божьим законам. Читай, читай Благою весть, матушку нашу Царицу Небесную проси вести тебя к Сыночку Иисусу Христу, пока душе еще тяжело и слёзы покаяния застыли глаза, Ей молись. Она наша заступница перед Сыночком Своим, а Он наш ходатай и исповедник перед Отцом Небесным, а все вместе лечат и поднимают нас по нашим молитвам друг за друга Духом Истины, Духом Святым. Дух любви, добра, милости, трудолюбия и творчества может войти и входит в очищающиеся души. Для этого и таинства покаяния и причастия существуют – с Неба назначены быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.